

Куда идет человечество?*

О тенденциях международных отношений в XXI веке

Евгений Бажанов
Наталья Бажанова

Вскоре после окончания холодной войны и распада СССР борьба за глобальное лидерство возобновилась. Пребывая в эйфории от победы над коммунистическим блоком и собственного превосходства в военно-политической и экономической областях, Соединенные Штаты возомнили себя вождем человечества в его движении к свободе и процветанию. Вашингтон развернул работу по расширению американской сферы влияния, вплоть до создания глобальной империи “*Pax Americana*”. После нападения террористов на американские города 11 сентября 2001 г. гегемонистская деятельность США интенсифицировалась.

Эта деятельность вызывала возрастающее сопротивление со стороны как крупных держав, так и жертв американского гегемонизма. На рубеже XX и XXI столетий стала озвучиваться идея единого фронта против Вашингтона.

В международных отношениях завязывался крупный и опасный узел противоречий и напряженности.

Иллюзия “*Pax Americana*”

Главному и наиболее активным претендентом на глобальное лидерство выступили Соединенные Штаты. На то были свои причины. США победили в холодной войне, и это обстоя-

тельство оказало на них более глубокое воздействие, чем если бы Америка выиграла настоящую, “горячую” войну. Одно дело, когда Соединенные Штаты, вместе с СССР и другими со-

БАЖАНОВ Евгений Петрович – проректор Дипломатической академии МИД России по науке и международным связям, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки России.

БАЖАНОВА Наталья Евгеньевна – доктор экономических наук, профессор.

Ключевые слова: глобальное лидерство, совокупная мощь, гегемонизм, “*Pax Americana*”, “стержневая” зона, “изгой”, однополюсный мир, единый фронт.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2009. № 6.

юзниками, побеждают вражескую нацистскую Германию и заставляют ее отказаться от прежних идеологии, строя, внешней политики. Другое – когда главный противник в холодной войне, СССР, сам признает негодность своих идеологии, строя, внешней политики и по собственной воле берет Запад за образец развития.

Демократы, пришедшие к власти в постсоветской России, выдвинули задачу добиваться “превращения России из большого гиганта Евразии в члена западной зоны процветания”, “учиться у передового клуба, как жить цивилизованным образом, в частности при прямом участии на всех этапах западных экспертов подготовить и осуществить совместные программы реформ в сферах экономики, безопасности и конверсии”¹.

Слова подкреплялись практикой. Российские руководители раз за разом обращались к Вашингтону с просьбами подсобить в подавлении коммунистической оппозиции, предоставить России материальную помощь, реорганизовать экономику, образование, культуру и т.п.

Как на все это должны были реагировать американцы? Точно так же, как Советский Союз в свое время воспринимал успех социалистических революций в Китае, Вьетнаме или на Кубе.

Наши идеи, – восторгалась советские лидеры, – живут и побеждают, а это значит, что они прогрессивны, указывают человечеству путь в светлое будущее, и рано или поздно социализм неминуемо восторжествует повсеместно. А долг Советского Союза всеми силами способствовать объективному историческому процессу.

Теперь настала очередь американцев поверить во всепобеждающую мощь своей идеологии. Если уж в главной “империи зла”, на родине Ленина, прониклись любовью к демократии и

рыночной экономике, то каким иным путем двигаться человечеству вперед? Тем более что от марксизма-ленинизма, социализма и прочих “измов” решительно, и тоже по собственной воле, отказались восточноевропейцы и большинство экспериментаторов в арабском мире, Африке.

Как-то мы поинтересовались у посла Ганы, кто на его континенте продолжает идти некапиталистическим путем. На мгновение призадумавшись, дипломат уверенно ответил: “Никто!”.

Да и китайцы, не переставая курить фимиам Мао Цзэдуна, все более энергично переводили страну на рельсы “социалистического капитализма” – социализма на словах, капитализма на деле. При этом даже в государствах, категорически отвергающих американскую модель, таких, как Иран или Ливия, многие граждане тайком упивались голливудскими боевиками и славословили Америку.

Соединенные Штаты, вполне естественно, возмнили себя вождем прогрессивного человечества, призванным руководить миром в его движении к свободе и процветанию. Амбиции возрастали по мере все новых достижений. На протяжении всего последнего десятилетия XX столетия американская экономика развивалась беспрецедентно высокими темпами.

Валовой национальный продукт США достиг почти 11 трлн. долл. Это треть мирового валового продукта. Российский ВВП составлял в 90-х годах лишь 5% от уровня Соединенных Штатов.

В основе мировой экономики закрепились американская неолиберальная модель.

Америка же управляла хозяйственными процессами на земном шаре, опираясь на такие мощные рычаги, как Международный валютный фонд, Мировой банк, доллар и т.д.

В военной сфере Америка тоже вырвалась вперед. Несмотря на сокращение расходов на оборону, Соединенные Штаты по-прежнему тратили на эти цели сумму, во много раз превышающую аналогичный показатель для других ведущих держав.

В США создавались все более совершенные виды ракетно-ядерного оружия и средств ведения войны.

В Пентагоне даже начинали опасаться, как бы другие члены НАТО не отстали настолько, что совместные действия союзников стали бы невозможными. Американцы требовали от партнеров по Североатлантическому альянсу повышать уровень средств управления, разведки и связи, космического наблюдения за поверхностью земли, средств проекции силы, высокоточных боеприпасов и т.д.

Соединенные Штаты оставались единственной державой, чьи войска продолжали дислоцироваться в больших количествах в ключевых регионах – 113 тыс. военнослужащих в Европе, 92 тыс. в Японии и Южной Корее, 10 тыс. в Саудовской Аравии. Что было особенно важно, так это способность проецировать силу, то есть стремительно разворачивать боевые порядки и наносить массированный удар по противнику почти в любой точке земного шара.

Пентагон заявлял, что может одновременно вести две крупные войны, например, в Корее и районе Персидского залива, и быстро их выиграть.

Экономические и военные позиции Вашингтона подкреплялись его политическим влиянием. Практически все наиболее процветающие государства современного мира, контролируемые до 80% глобальной экономики, числились союзниками или друзьями США.

По существу, сложилась обширнейшая американская зона влияния, состоящая из государств, которые в целом соглашались с лидерством Вашингтона.

Можно ли представить себе, чтобы японцы согласились на английское военное присутствие на своей территории, а англичане на испанское и южнокорейцы на японское?

Американское же оставалось приемлемым для Японии, Англии и Южной Кореи, равно как и для многих других стран. Появилась, кроме того, большая группа государств в Центральной и Восточной Европе, которые из-за всех сил стремились войти в зону влияния США. Что же касается противников Вашингтона, то, как полагали в Белом доме, “их осталось мало, они слабые и изолированные”.

Мощное воздействие оказывали Соединенные Штаты на внешний мир в сфере информации, образования и науки. Даже такие в высшей степени цивилизованные и гордые нации, как, например, французская или китайская, черпали мировые новости из американских СМИ, считали образцом для подражания вузы и исследовательские центры США.

Важно и то, что Америкой был накоплен огромный опыт лидерства и у нее не просто сохранялась, но даже усиливалась воля руководить другими.

Согласно опросам общественного мнения, в 90-х годах только 30% американцев предпочитали изоляционизм, в то же время большинство, 65–70%, полагали, что национальные интересы требуют активного участия Соединенных Штатов в мировых делах.

Добровольная капитуляция идейных и политических противников вместе с увеличивающимся отрывом США от конкурентов по совокупной мощи способствовали размножению за океаном теоретических обоснований американского лидерства. Тем более что сочинялись они и в прошлом.

Еще в 1824 г. президент Эндрю Джексон провозгласил, что Соединенные Штаты “яв-

ляются страной, явно наделенной богом и судьбой, которой могли бы позавидовать Древняя Греция и Рим в дни своего величия”².

На протяжении всей последующей истории правящие круги США обосновывали свое право на экспансию и гегемонию рассуждениями о “предначертании судьбы”, “божественном предопределении” Америке вести человечество к светлому будущему, о миссионерских обязанностях США, о необходимости “крестовых походов” против сил зла и реакции, не приемлющих американские ценности.

XX в. в многократной степени закрепил эти убеждения. Появление на карте Европы коммунистического СССР, фашистских Германии и Италии было воспринято в Соединенных Штатах как свидетельство “морально-го коллапса”, “полного разложения” Европы. Вышедшие из Второй мировой войны, в отличие от СССР и других стран, еще более мощными, Соединенные Штаты закрепились в мысли, что без их лидерства невозможна стабилизация международных отношений, установление на планете прочного мира, что именно они создали наиболее совершенную политико-экономическую систему и ее распространение на другие страны и континенты отвечает интересам всего человечества.

Возвышение СССР и его лагеря притормозило реализацию планов США. Но вот советская преграда пала, и в Соединенных Штатах вновь загорелись старыми идеями. Один за другим стали выходить за океаном труды, обосновывающие право США на гегемонию. В них напоминалось о том, что именно благодаря Америке восстали из руин войны и превратились в процветающие оазисы демократии Западная Европа, Япония, Южная Корея, Тайвань.

Как отмечал один заокеанский автор, многие из американских подопечных

брюзжат, огрызаются, но о разрыве с патроном не помышляют.

Они нуждаются в стратегической поддержке и экономическом партнерстве со стороны США. Более того, они еще и уважают Америку. Японцы и немцы, в частности, за то, что американцы не сделали с ними то, что сделали бы с американцами японцы и немцы, если бы они победили Соединенные Штаты.

В трудах утверждалось также, что Соединенные Штаты, как “инициаторы и лидеры” набирающего обороты процесса глобализации, являются его гарантом. На Америку ложится бремя законодателя, арбитра и шерифа, который ведет за собой, подтягивает отстающих, наказывает смутьянов.

Кое-кому и такая роль США стала представляться недостаточной. Зашла речь о том, чтобы Америка поднялась до уровня всемирной империи, “*Pax Americana*”.

Некоторые теоретики доказывали: многополюсность, мол, обернулась в XX столетии двумя мировыми войнами, а вот Римская империя Августа воцарила на земле на два столетия покоя и процветание. Мы, заявляли имперские идеологи современной Америки, и сильнее, и цивилизованнее Рима, так что “*Pax Americana*” принесет еще более высокие дивиденды, чем в древности “*Pax Romana*”.

Теоретикам вняли практики.

Уже в середине 90-х годов официальный Вашингтон разделил все страны земного шара на четыре категории: “сердцевинные” или “стержневые” (*core states*), “переходные” (*transition states*), “изгой” (*rogue states*) и “потерпевшие неудачу” (*failed states*).

“Стержневые” государства – это те, которые имеют развитую демократию и процветающую рыночную экономику, тесно сотрудничают с США и приемлют американское лидерство.

С точки зрения вашингтонской администрации, к “стержневым” государствам от-

носились вся Западная Европа, Япония, Южная Корея, Тайвань, Израиль, Турция.

Многие страны Латинской Америки на поверхности выглядели почти как “стержневые”, но их демократия и социально-экономическое положение, указывали американские стратеги, оставались далеки от идеала: в политической жизни процветали коррупция, элитизм, кумовство, насилие, преклонение перед военными; экономика в этих странах отличалась несбалансированностью, там сохранялась напряженность из-за вопиющего социального неравенства, преступности, вселилия наркобаронов, беспомощности судебной системы и т.д.

В Африке движение в сторону “стержневой” зоны лишь начиналось, и перспективы этого процесса не представлялись американцам радужными. В зоне СНГ, по мнению США, с перспективами дела обстояли лучше, но борьба за “стержневые” идеалы там лишь начиналась.

“Переходными” государствами назывались те, которые встали на “правильный путь” демократизации и свободной экономики и двинулись вперед. Таких стран было много, но их успехи разнились.

Восточная Европа, особенно новые члены НАТО – *Чехия, Польша и Венгрия*, а также *Словения, балтийские страны*, с точки зрения Вашингтона, уже фактически превратились в “стержневые” государства.

Приближались к “заветной цели” некоторые государства Юго-Восточной Азии (*Сингапур, Таиланд, Малайзия*); *Ближнего Востока (Египет, Иордания, Кувейт)*.

Особое значение придавали в Вашингтоне эволюции трех крупнейших “переходных” государств – **Китая, Индии и России**.

Американцы отмечали, что Китай добился большого прогресса в экономике, Индия имеет развитую и устойчивую демократию.

Россия же, несмотря на продвинутость реформ, представлялась Вашингтону страной, которая из-за глубокого кризиса в экономике и организованной преступности имеет туманные перспективы.

В США сетовали также на то, что Россия и Китай противятся тесной смычке со “стержневой” зоной, стремятся играть роль контрбаланса американскому влиянию в мире.

В любом случае Соединенные Штаты не теряли надежды добиться превращения всех “переходных” государств, включая Россию и Китай, в “стержневые”, то есть их присоединения к американской зоне влияния. Для достижения этой стратегической, и во многих случаях отдаленной, цели имелось в виду использовать силу примера, материальную помощь, политическое и идеологическое воздействие, интенсивные контакты во всех областях, а когда надо – угрозы и давление. Предполагалось все шире подключать к реализации поставленной цели союзников.

“Изгоями” в Вашингтоне называли такие режимы, которые отвергали демократию и рыночную экономику, нарушали нормы международного права, третируют соседей и враждебно относились к США.

В американском списке “изгоев” фигурировали, в частности, **Ирак, Иран, Ливия, Сирия, КНДР, Судан, Нигерия, ДРК, Югославия**. К таковым якобы примыкала **Белоруссия**.

С подобными государствами американцы были полны решимости бороться, не отказываясь при этом дополнять стратегию “кнута” тактикой “пряника”. Конечная задача стратегии на данном направлении – сломать “изгоев” и поставить их на “переходный” путь. Причем США были готовы, если надо, действовать самостоятельно, без санкции ООН, пресекая нежелательные действия “изгоев”.

Государствам, “потерпевшим неудачу”, Соединенные Штаты в принципе

проявляли готовность помогать, но в первую очередь тем, которые имеют важное значение для интересов “стерженной” зоны. Выделялись *Албания и Босния*.

Итак, Вашингтон, в конечном счете, намеревался создать на планете *“Pax Americana”* – мир, живущий по американским законам, правилам и обычаям, привязанный к США в экономическом, политическом и военном отношении. Причем, это было не просто желание, это являлось государственной идеологией, на основе которой осуществлялась государственная политика. Деятельность Соединенных Штатов во многом напоминала ту, которой занимался в свое время Советский Союз.

Официальная идеология правящей коммунистической партии исходила из того, что человечество должно осуществить переход от капитализма к социализму, как более прогрессивному общественному строю.

ЦК КПСС видел свой долг в руководстве этим историческим процессом. Хотя к 70-м – 80-м годам даже в самой верхушке правящей партии появилось немало сомневающихся в перспективности и более того правомерности такого курса, тем не менее, гигантский идеологический и государственный аппарат великой державы продолжал исправно, денно и нощно, реализовывать коммунистическую стратегию на практике: Москва поддерживала социалистические перевороты, оплачивала счета зарубежных единомышленников, готовила антиимпериалистические кадры, снабжала оружием бойцов национально-освободительных движений, посылала войска за рубеж для подавления контрреволюционных мятежей, клеймила неокolonialистов с трибуны ООН, издавала теоретические труды, рисовавшие светлое будущее во всех красках.

После окончания холодной войны уже Вашингтон напрягал все силы своего мощного, многочисленного и ква-

лифицированного аппарата на реализацию американского варианта светлого будущего для человечества.

В американской столице многие, конечно, отдавали себе отчет, что *“Pax Americana”* лишь идеал, который вряд ли когда-то станет реальностью. В официальных материалах Белого дома неизменно проводилась мысль, что не стоит грубо навязывать другим американские ценности и что у современной Америки не хватает сил и ресурсов руководить всеми и всем. Надо, мол, не командовать, а подталкивать других на верный, выгодный, удобный для США путь.

После беспрецедентного по масштабам нападения террористов на американские города (11 сентября 2001 г.) Америка опешила, задумалась и заговорила о необходимости равноправного сотрудничества с другими странами, и особенно крупными державами, включая Россию, в борьбе с общей угрозой международного терроризма. Вспомнили в Вашингтоне и о других вызовах и угрозах, требующих коллективного отпора.

В концепции национальной безопасности США от 20 сентября 2002 г. подчеркивалось: “Мы также руководствуемся убежденностью в том, что ни одна страна не может построить более безопасный, лучший мир, действуя в одиночку. Альянсы и многосторонние институты могут умножить силу свободолюбивых стран. Соединенные Штаты привержены таким надежным, устойчивым институтам, как ООН, Всемирная торговая организация, Организация американских государств и НАТО, а также другим давно существующим альянсам. Коалиции единомышленников могут дополнять эти постоянные институты. Во всех случаях международные обязательства следует воспринимать всерьез”.

Благоразумие, однако, не долго царит в Вашингтоне.

Вскоре американцы с новой силой возобновили “крестовый поход”. К гегемонистско-мессианским мотивам до-

бавились жажда мести и твердая решимость обеспечить Америке абсолютную безопасность.

В той же концепции национальной безопасности США говорилось: "Сегодня человечеству представляется возможность способствовать победе свободы над всеми... врагами. Соединенные Штаты приветствуют свои ответственность и обязанность играть руководящую роль в выполнении этой великой миссии... Соединенные Штаты обладают беспрецедентными силой и влиянием в мире. Это положение... налагает беспрецедентную ответственность и обязанности и открывает колоссальные возможности. Огромную мощь нашей страны нужно использовать в целях расстановки сил в пользу свободы.

...Наш первоочередной приоритет – подорвать и уничтожить террористические организации, пытающиеся простирали свои щупальца по всему миру, и атаковать их руководство, системы командования, управления, коммуникаций... Мы будем защищать Соединенные Штаты... в самой стране и за границей, выявляя и уничтожая опасность еще до того, как она достигнет наших границ... Мы, не колеблясь, будем действовать на свой страх и риск, если это потребуется... В новом мире, в который мы вступаем, единственный способ обеспечить безопасность – это действовать... Чтобы предупредить противников и не допустить... враждебных действий с их стороны, Соединенные Штаты, в случае необходимости, будут действовать превентивно"³.

После падения режима Саддама Хусейна многие как за рубежом, так и в России, заговорили о том, что в международных отношениях наступила эра однополюсности, безраздельного господства Соединенных Штатов. Мощь у Америки, мол, невероятная, никто с ней сравниться не может; поэтому США позволяют себе нападать на неугодных, а всем остальным приходится или заискивающе поддакивать гегемону, или трусливо помалкивать. И данная тенденция, чем дальше, тем больше будет закрепляться.

Эти выводы, однако, оказались неверными. Преимущество США в совокупной мощи над другими "игроками", как уже отмечалось выше, было налицо. Но разве этого преимущества не существовало в эпоху холодной войны?

В 1945 г. на Соединенные Штаты приходилось не 30%, как в начале XXI в., а целых 50% мирового ВВП.

В военной сфере Вашингтон получил тогда монополию на ядерное оружие, и американские власти выражали уверенность в "бесспорном превосходстве" своей армии над советской.

Президент Трумэн подчеркивал, что "атомная бомба будет действовать на русских как дубинка, позволит говорить с Кремлем с позиции силы, навязывать ему решения"⁴.

В то время как США вышли из войны усилившись, Советский Союз, Европа, Китай, Япония – все лежали в руинах, все были поглощены заботами о собственном восстановлении. Многие положились в этом деле на помощь из-за океана и в результате попали под американский экономический и политический контроль, стали составными частями глобальной военной системы Соединенных Штатов.

И что же, послевоенный мир превратился в итоге в однополюсный?

Как известно, не превратился.

Европа, Япония, КНР поднимались на ноги, проявляли все большую независимость и постепенно выросли во влиятельных участников международных отношений. Ну, а СССР уже к середине 50-х годов, всего через 10 лет после окончания кровопролитнейшей для него войны, дорос до равнозначного США полюса.

Мир заговорил о биполярности в международных отношениях. СССР продолжал значительно отставать от США по многим параметрам совокупной мощи, но биполярность под сомнение не ставилась, в том числе амери-

канцами. Даже в начале 90-х годов, когда уже разваливались соцсистема и сам Советский Союз, американцы на первых порах отнюдь не ощущали себя победителями.

Осенью 1992 г., накануне президентских выборов, мы совершили месячную поездку по США, побывали в госдепартаменте, Пентагоне, конгрессе, в десятках ведущих университетов и научно-исследовательских центров и повсюду сталкивались с весьма пессимистическим настроем.

“Америка, – говорили многочисленные собеседники, чиновники, генералы, законодатели и ученые, – миновала зенит своего развития и стремительно катится под гору. Ее успехи и величие позади”. Мы не соглашались, ссылаясь на то, что США не впервые в своей истории переживают трудности, и что с еще большими проблемами сталкиваются сейчас другие страны, в том числе Россия. Нас не хотели слушать. “Нет, – твердили американцы, – на сей раз все по-другому, Соединенные Штаты выдохлись и им больше не подняться”.

Ситуация, действительно, выглядела сложной: рекордно высокая безработица, застой в производстве, резкое сокращение вооруженных сил, жесточайший кризис военно-промышленного комплекса, рекордный дефицит бюджета. США, тем не менее, выкарабкались из ямы и стремительно рванули вперед. Но успешное десятилетие кончилось, и в начале нынешнего столетия американская экономика опять забарахлила. А у некоторых других, напротив, продолжился взлет (как в Китае) или наметилось ускорение (как в России). И чувствовалось, что не за горами очередные перемещения в лидирующей группе государств. В любом случае, у Соединенных Штатов и в помине уже не было той “форы”, которой они располагали в конце 40-х годов.

Главное же проявление однополюсности нынешних международных отношений некоторые видели в том, что

США позволяют себе любые поступки, не встречая отпора. На данный тезис тоже было, что возразить.

И в пору холодной войны совершались интервенции, которые не приводили к прямым столкновениям сильных между собой.

Соединенные Штаты осуществили крупномасштабную интервенцию в Индокитае и десять лет (с 1965 г. по 1975 г.) там воевали.

Ни СССР, ни Китай (на пороге которого конфликт происходил) не ответили заокеанскому гегемону войной.

Советский Союз в свою очередь послал войска в Венгрию (1956 г.), Чехословакию (1968 г.), Афганистан (1979–1989 гг.), невзирая на протесты окружающих.

Но никто при этом не провозглашал международные отношения однополюсно-советскими.

“Проглатывал” несогласный мир и военные акции других “полугегемонов”: Вьетнама против полпотовского режима в Кампучии (1979 г.), КНР против Вьетнама (1979 г.).

Можно вспомнить еще ряд войн с участием Индии, Пакистана и Бангладеш, Израиля и его арабских соседей, и, конечно же, самих США, не раз применявших военную силу в Центральной Америке и на Ближнем Востоке, но так и не снискавших лавров хозяина планеты.

Очевидно было и то, что США напали в 2003 г. на очень непопулярный, в том числе в арабском мире, режим. Попробовали бы они атаковать нормальное, уважаемое государство – и реакция повсеместно была бы иной, гораздо более жесткой. К выводу о несбыточности гегемонистских притязаний Вашингтона подталкивал анализ как соотношения сил, настроя современных наций, так и исторического опыта.

Ведь мир не впервые переживал ситуацию, когда государство (или группа государств), движение (или ряд движений), идеология (или несколько

идеологий) распространяли свое влияние на другие части земного шара.

Порой экспансия *опиралась на грубую силу*, как в случаях с Римской империей, татаро-монгольской ордой, Наполеоном, колониальными империями, Гитлером.

В других случаях экспансии способствовало *сочетание насилия и идейно-духовного воздействия*. Так распространялись христианство, ислам, буддизм, конфуцианство, капиталистическая индустриализация, марксизм.

Бывало, что *обходилось без принуждения*. Итальянское Возрождение и французское Просвещение завоевывали сердца людей без помощи пушек и плеток.

Случалось, и нередко, что отстающие страны по собственной инициативе начинали перенимать опыт передовых.

Так поступила, в частности, *Россия* при Петре I, приступив к энергичному, форсированному и всеобъемлющему копированию Западной Европы в различных областях жизни, вплоть до курения табака. Многим подданным российской короны казалось, что царь сошел с ума и предал нацию, что русская цивилизация в результате чужеземных “прививок” испустит дух.

Получилось наоборот. Россия из полуазиатской окраины Европы превратилась в мощную и гордую европейскую державу. И когда Наполеон вторгся на наши просторы, дворянство, которое к тому времени предпочитало французский язык своему, возглавило ожесточенное сопротивление захватчикам и сыграло важнейшую роль в разгроме и ликвидации Наполеоновской империи.

Обратим теперь внимание на другие цивилизации. Отнюдь не исчез с карты мира *Китай*, который на протяжении столетий бомбардировали иноземные движения и идеи (буддизм, ислам, христианство, капитализм, марксизм),

атаковали агрессоры всех мастей и цветов кожи (от монголов до англичан, от маньчжуров до японцев).

Выстояли как самобытные цивилизации *Индия и Египет, Мексика и Индонезия, Иран и Бразилия*.

Сингапур, учрежденный буквально на пустом месте британскими колонизаторами в начале XIX столетия, не только не остался заморским придатком Англии, а вырос в процветающего, самостоятельного и непохожего на других экономического силача.

Япония в VI–VII вв. скопом все переняла у Китая. В XIX в. японцы вновь решили поучиться, на этот раз у “заморских белых чертей”.

В итоге усвоенного опыта они не только не перестали быть японцами, а, напротив, переполнились гордыней и презрением к другим, обрушившись на соседние народы с варварской агрессией. Агрессоров разбили и поставили на колени. Американские оккупационные власти даже написали для японцев конституцию, определив, как им жить дальше. Но японцы так и не американизировались, более того, смогли создать собственную экономическую супердержаву, которая, несмотря на недопомогание последних лет, продолжала во многих сферах оставаться в числе мировых лидеров.

Невзирая на разгром во Второй мировой войне, длительную иностранную оккупацию, разделение нации на два антагонистических государства, не пропала *Германия*.

Она сохранила лучшие национальные традиции (от этики труда до рекордных высот в экономическом и социальном развитии). Если же немцы в чем-то и изменились под влиянием держав-победительниц, так это в отношении к демократии, правам человека, другим нациям. Причем, изменились в лучшую сторону.

Современная Германия, наряду со многими соседними государствами, все глубже интегрировалась в единую Европу. Участники процесса, поступаясь частью суверенитета, сливались в общее экономическое, социальное, культурное пространство.

Но в Европе не наступило ни полного единообразия, ни тем более американизации.

Французы по-прежнему отменно кулинарят, считают себя самой цивилизованной нацией и не терпят политического диктата, боготворят Наполеона и относятся к жизни, как к удовольствию.

А рядом проживают англичане, которые, так и не научившись вкусно готовить, чопорны, высокомерны, практичны, но зато справедливы, честны, предпочитают играть по правилам, и, при все этом, презирают Наполеона и воспевают собственных героев, бывших в прошлом французов, испанцев и прочих врагов.

Свои ценности, традиции, привязанности у итальянцев и финнов, греков и австрийцев.

Более того, внутри каждого европейского государства один регион отличается от другого, порой разительно. Например, Мюнхен от Гамбурга, Неаполь от Рима, Эдинбург от Лондона. Достаточно неделю попутешествовать по Европе, чтобы ясно ощутить, насколько эта самая глобализированная часть планеты далека от превращения в стандартную и пресную американскую деревню. Как раз наоборот. Чем значительнее успехи европейцев в совместном развитии, тем сильнее их тяга к независимости и самобытности.

В целом человечество к началу XXI столетия выглядело более диверсифицировано, многоцветно, полицивилизационно, чем когда бы то ни было в прошлом.

Десятки амбициозных государств и их объединений накапливали мощь и стремились быть вершителями собственных судеб. И в мире не было пассивного всеобщего принятия американского диктата. Напротив, нарастало несогласие с гегемонистской политикой со стороны крупных и влиятельных держав – России, Китая, Индии, многих мусульманских и других развивающихся стран. А режимы “изгои” на угрозы отвечали эскалацией усилий по созданию оружия массового уничтожения, единственной, с их точки зрения, панацеи от нападения извне. “Изгои” все чаще прибегали и к террористическим методам.

Дополнительные хлопоты создавало Вашингтону поведение союзников. Наиболее сильные и гордые из них (Франция и Германия) всерьез настроились против силовой политики вне рамок ООН и международного права.

Появились симптомы стремления недовольных к широкому партнерству для сдерживания США. Их можно было заприметить и на скромном уровне Дипакадемии, в ходе контактов с зарубежными партнерами. Как-то к нам пожаловала высокопоставленная делегация из Омана, традиционно проамериканского государства Персидского залива.

В беседе оманцы стали настаивать на необходимости российского военного присутствия в заливе. Мы, отшучиваясь, заявили, что у России на это нет ни сил, ни денег.

Оманцы в ответ замахали руками и закричали: “Деньги мы вам дадим, купим ваши же вооружения и вручим их вам. Именно Россия должна присутствовать в заливе, чтобы уравновешивать Соединенные Штаты. Никакой другой стране такая задача не по плечу, а выполнять ее необходимо – иначе американцы совсем сядут арабам на голову”.

На протяжении ряда лет в Дипакадемию с лекциями приезжал директор

крупного пакистанского научного центра, связанного с правительством. Во всех лекциях и в ходе неформальных контактов директор неизменно проводил мысль о необходимости создания антиамериканского военного блока в составе Пакистана, России, Китая и стран Центральной Азии. Когда кто-то из наших профессоров не соглашался с идеей союза, выражал сомнение в готовности КНР и центральноазиатских государств вступить в открытую конфронтацию с Вашингтоном, пакистанский гость очень сердился и обвинял сомневающегося в “работе на американцев”.

В целом становилось все более очевидно, что история в очередной раз повторяет себя. В международных отношениях на протяжении многих столетий не утверждалась однополюсность. При этом попытки ее достичь предпринимались довольно часто. По разным мотивам и во всевозможных формах.

Древний Китай покорял соседских варваров, чтобы цивилизовать их и тем самым благодетельствовать.

Папский Рим был уверен, что его карательные “крестовые походы” на “неверный” Восток были богоугодным предприятием.

Англия, Франция, Испания и другие колониальные державы тоже прикрывались благовидными мотивами. Наполеон гордился тем, что освобождал Европу от феодально-абсолютистских пут.

Советский Союз был искренне убежден в том, что экспорт революции – правое дело. Во имя высоких целей организовывались вооруженные вторжения на чужие территории, устраивались войны.

Но всякий раз, когда “цивилизаторы” становились чересчур сильны и агрессивны, соперники и жертвы объединялись и разгорались крупные конфликты.

Неприятие “нового порядка” Гитлера привело к союзу таких разных стран, как капиталистическая Америка и сталинский Советский Союз.

Холодная война против СССР позволила помириться вечным антагонистам Германии и Франции, преодолеть отчужденность между США и КНР.

На рубеже XX и XXI столетий такой единый фронт стал вызревать в связи с гегемонистской политикой США. В международных отношениях завязывался крупный и опасный узел противоречий и напряженности.

Примечания

¹ Moscow News. 1991. September 29.

² History of America. New York: Doubleday, 1968. P.26–27.

³ Стратегия в области национальной безопасности США от 20 сентября 2002 г. // ИТАР–ТАСС. Компас. 2002. № 41. 10 октября.

⁴ Батюк В., Естафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995. С. 26.